

Он всё возвращался мыслями к тому дню, когда вышел из Небесной Темницы, и к словам, которые тогда сказала ему мать, драгоценная наложница Лань. Та выглядела измождённой и, приняв его, сразу же отослала слуг.

— Чжэн, из-за истории с твоей бабушкой ты лишился возможности занять то место. Это величайшее сожаление в жизни твоей матери.

— Матушка, мне и самому оно не нужно, к чему снова об этом говорить? Если мы с тобой в безопасности, то и ладно, — ответил он тогда с искренней простотой.

— Дитя моё, ты слишком наивен. Ты ведь знаешь мой нрав — разве я та, что рвётся к милостям и затевает распри? Но в задворках дворца, даже если день за днём вести себя смиренно и ни с кем не враждовать, разве другие оставят меня в покое? После этой тюремной невзгоды ты должен понять: ты — принц, кровь отца твоего. Не станешь бороться ты — разве успокоятся прочие и не станут с тобой считаться? Нынешняя беда — тому прямое доказательство. После того как государь наследника назначит, даже по восшествии нового императора на престол, ты останешься занозой в глазу да шипом в боке. Я всегда знала: коли не бороться, не видать тебе с младых ногтей ни капли отцовской благосклонности. А коли так пойдёт и дальше, страшусь, по кончине моей ждёт тебя одна лишь погибель.

Сяо Чжэн изумился. Не ждал он от матери таких слов. С детства немало довелось ему видеть дворцовых интриг, особенно от наложницы Чэнь Лю, что в Дворец Мира и Благоухания и в мать его вцепилась как в личных врагов, не раз подстраивая козни. Не однажды он, не в силах сдержаться, рвался вступить с нею в противоборство, однако драгоценная наложница Лань всякий раз запрещала ему что-либо предпринимать, лишь искусно обходя да расстраивая козни, снова и снова уступая.

— Матушка, неужели у нас с тобой иного выхода нет? Коли не снискать тебе отцовской милости, а мне стать принцем захудалым, волны не подняв, разве станут они и тогда нас опасаться? — спросил Сяо Чжэн.

Драгоценная наложница Лань покачала головой — дитя всё ещё простодушно — и молвила:

— Дед твой — великий наставник при дворе, остаться в стороне от дел ему неуместно. Да и коли не поддержит он тебя, разве станет чужих поддерживать? Пока он жив, вечно будем мы для других той занозой в глазу да шипом в боку. Не станем бороться — деда твоего наверняка начнут изводить интригами. Неужели хочешь, дабы мать твоя лишь уступала, позволяя им безнаказанно над нами издеваться? Когда бабка твоя наложила на себя руки, прежний государь, совестью мучимый, расследовать кончину в Доме Инь не стал. Отец твой добр и милостив, все эти годы благоволил ко мне, что, конечно, зависть в других вызывало. Чжэн, родился ты в семье императорской, о каком уж мире и покое речь вести? Ныне, после дела с Цзяо Ну, тебе удалось оправдаться, и то великая удача. Впредь поменьше общайся с прочими дворцами, особенно с Павильоном Спящего Феникса. Нам с тобой давно пора о самосохранении подумать.

— Матушка, Седьмой брат только что мать потерял, да и Третий брат пропал без вести. Разве не могу я о нём позаботиться? Почему запрещашь мне с ним общаться? — Сяо Чжэн пребывал в замешательстве.

— Станешь с ним общаться — в глазах других это за сговор сочтётся. Он всегда Второго брата твоего опекал, а ты ему помогаешь. Для наложницы Чэнь Лю это всё равно что Дворец Мира и Благоухания да семья Инь — сторонники Второго принца. А недавно дед твой приёмную дочь

усыновил, которую скоро за Старшего брата твоего замуж выдадут. При таких обстоятельствах им не надо заподозрить, будто мы к Старшему принцу примазываемся. Дело это слугами Третьего принца замешано, а значит, и с Седьмым братом твоим связано, и вот теперь даже Второй принц в тюрьме угодил. Неужели думаешь, всё так просто? А ну как Второй принц, видя, что дед твой из семьи Инь скоро тестем Старшего принца станет, решил, будто ты сторону Пятого принца держишь, и через Седьмого брата тебе ловушку подстроил? Иначе как объяснить, что лишь в Павильон Спящего Феникса ты ступил — нефритовый кулон твой как сквозь землю провалился?

Не успела она договорить, как Сяо Чжэн горячо вступился за Сяо Ляна:

— Матушка! Седьмой брат не мог меня предать. Да и дело с Цзяо Ну и впрямь странное. Я до сих пор понять не могу, как кулон, что с утра на мне был, исчезнуть мог, однако в руках у Цзяо Ну и вправду мой кулон был.

— Чжэн, я как раз о том спросить хотела: ты говоришь, кулон тот носил. Неужто за все дни взглядеться в него не удосужился?

— Меня всегда Сяо Лю одевал, потому я и не присматривался, но нефрит тот особенный, когда его добывали, только на семь кулонов и хватило. На ощупь я его мигом узнаю, — ответил Сяо Чжэн.

— Если бы какой принц свой кулон тебе подложил да ты бы его несколько дней носил, ты бы и не заметил, верно? — Драгоценная наложница Лань задумалась, понимая: риск уж больно велик, да и вряд ли возможно такое.

— Риск уж больно велик, полагаю, невозможно сие, — Сяо Чжэн, видимо, тоже об этом подумал.

— В любом случае, мать твоя хочет, чтобы ты впредь не слишком часто с Седьмым братом общался. Отец твой всегда Второго брата твоего любил, ты сие ведаешь. Ныне же в тюрьму его посадил — значит, доказательства веские имеются, иначе, зная нрав отца твоего, не поступил бы он так. Коли Второй брат твой ради трона на такое способен, то и Седьмой брат, с коим он всегда дружен, им использован быть мог. Обещай матери, что более не будешь слишком близко с Седьмым братом общаться. Не то, коли что случится, затронет оно не только тебя, но и мать, и семью деда твоего, и двух дядей твоих.

Сяо Чжэн видел: мать настроена решительно. Не зная, что ответить, он лишь с трудом кивнул:

— Ладно. Чжэн тебя послушается.

В последующие дни, когда Сяо Лян приходил в Павильон Лунной Улыбки, его за порог не пускали. Сяо Лян с тех пор, как великий мастер Цзинкон его полечил, понемногу в себя приходил, однако на сердце у него было тяжко. Не раз вспоминал он тот день, но никак не мог понять, в чём же странность та заключалась. Отец вызывал его на беседу, однако ясно не сказал, за что именно Второго принца осудили. Чувствовал он, будто один во всём дворце правды не ведаёт, и оттого тревога в нём лишь росла.

После кончины наложницы Хуэй Дворец Луны над Хуай подвергся пренебрежению, да и насмешки до ушей Сяо Ляна доходили. Хотя государь и назначил к нему старшую служанку, та ещё некий авторитет имела. Но после того как император нежданно занедужил, служанка та уж не так внимательно к делам дворца присматривала. Особенно в покоях Сяо Цзе ропот да недовольство слышались. Шёпотом передавали, будто Сяо Цзе уже мёртв и их давно пора

отпустить. Речи сии Сяо Ляна за живое задевали, и становился он всё пасмурнее. После того как Сяо Чэн в тюрьму угодил, и вовсе хуже стало. Сяо Лян мог лишь терпеть, вступать же в пререкания не желал.

В тот день Сяо Лян Снежную ворону кормил, а корма-то и не хватает. Позвал слуг — никто не является. Видно, все в Обитель Спутника Циляня на зрелище сбежались. В последние дни там к свадьбе готовились, подарки часто жаловали. Он и встал, дабы корм взять, но поскользнулся и на землю шлёпнулся. Поднявшись, сокрушённо вздохнул — корм так и не приготовили. Взял он кусочек вяленого мяса из своих снедей да вороне скормил. Вскоре Снежная ворона, насытаясь, улетела.

Сяо Лян улыбнулся, взял поднос и уже назад повернуть собрался, как увидел Шестого брата, Сяо Юньсяна.

— Седьмой брат, где все? — Сяо Юньсян говорил редко да отрывисто, и немногие его понимали, однако Сяо Лян с младых ногтей смысл его улавливал. Видимо, спрашивал он, куда люди подевались.

— В Обитель Спутника Циляня на зрелище сбежались. Шестой брат, спасибо за прошлый раз, только впредь уж не рискуй так, фрукты те ведь ядовиты.

Сяо Лян знал: шум Сяо Юньсян не любит. Вероятно, Обитель Спутника Циляня близко к его Павильону стоит, оттого он сюда, дабы от суеты укрыться, и пришёл. В прошлый раз Сяо Юньсян ядовитые фрукты съел, дабы его спасти, а Сяо Лян так и не удосужился лично поблагодарить. Сейчас и высказался.

— Ты тоже в опасности, — Сяо Юньсян подошёл и повёл его в дом, видно, не желая, чтобы на сквозняке после болезни стоял.

— Я в опасности? — Сяо Лян не понял, но мгновением позже смекнул: о нынешнем его положении речь. Покачал головой:

— Опасности нет, Шестой брат, не беспокойся.

Дело с Цзяо Ну по всему дворцу разнеслось, и, верно, Сяо Юньсян о нём слышал. С малых лет он к Сяо Ляну добр был, да наложница Чэнь Лю не одобряла, мешала. Покуда наложница Хуэй жива была, и она Сяо Ляна предостерегала, дабы с ним меньше общался, потому оба они, волю матерей исполняя, близки быть не смели.

Сяо Юньсян за руку его взял — а та холодна, видно, от долгого стояния на ветру. Взял плащ да на плечи ему накинул.

— Благодарю, Шестой брат, — улыбнулся Сяо Лян.

<http://bllate.org/book/15946/1425585>